

В своей изящной книге Ханна Карлсон
раскрывает политические мотивы того,
кто и где может прятать свои вещи,
а кто этой привилегии лишен.

— *The New York Times*

КАРМАНЫ

Интимная
история,
или
Как держать
все в секрете

ХАННА
КАРЛСОН

Ханна Карлсон

**Карманы: Интимная история,
или Как держать все в секрете**

«Азбука»

2023

УДК 391+008+94
ББК 85.126.1

Карлсон Х.

Карманы: Интимная история, или Как держать все в секрете /
Х. Карлсон — «Азбука», 2023

ISBN 978-5-389-32072-7

Книга Ханны Карлсон – это увлекательное исследование, в котором скромный элемент одежды становится ключом к пониманию социальной истории, гендерных отношений и материальной культуры. Автор прослеживает эволюцию кармана от средневековых поясных кошель до его триумфального встраивания в мужской костюм и драматического исчезновения из женского гардероба. Эта история – не только о моде и удобстве, но и о власти, независимости и том, как самые обыденные вещи формируют нашу повседневную жизнь и самоощущение.

УДК 391+008+94
ББК 85.126.1

ISBN 978-5-389-32072-7

© Карлсон Х., 2023
© Азбука, 2023

Содержание

Введение	8
Глава 1	16
Когда карманы жили сами по себе	20
Бриджи: «Нет хранилища надежнее»	26
Чем гульфик не «карман»?	34
Карманы и гибельная политика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ханна Карлсон
Карманы: Интимная история,
или Как держать все в секрете

POCKETS

An Intimate History of How We Keep Things Close

© Карлсон Ханна, 2023

© Г. Агафонов, перевод

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

* * *

*Моему отцу и первому читателю, Роберту С. Карлсону, и дочерям
и первым слушательницам этих рассказов, Киран и Элизае*

По всем «Карманам» я старательно раскладывала ту терминологию, которую использовали дизайнеры, портные и специалисты других профессий для описания себя самих и той деятельности, которой они занимались. По мере приближения повествования к современности я постаралась отдать должное тому, как изменилось наше понимание гендерной идентичности и способов ее выражения. В легкой промышленности до сих пор принято проводить

четкую границу между мужской и женской одеждой, но любая история кармана как явления немыслима без признания – и в данном случае тоже – факта существенных материальных ограничений и структурных нестыковок, проистекающих от насаждения бинарных представлений о том, как люди должны взаимодействовать с миром.

Введение

Торопливо выбежав на улицу, я принялась хлопотать себя по карманам, проверяя их содержимое. Прошло всего ничего после событий 11 сентября. Я стояла на Лафайетт-стрит, Нью-Йорк, и силилась определить, была ли полуденная эвакуация учебной тревогой или чем-то серьезным. Когда прозвучал приказ «Немедленно покинуть здание!», офисные сотрудницы, вынужденно прервав еженедельное общее совещание, оставили сумки, клатчи и рюкзаки на своих местах – задвинутыми под столы и развешанными на спинках стульев. Пока я разглядывала этот стремительно иссякавший поток людей, мне пришло в голову, что не я одна стою в нерешительности, не понимая, что же делать дальше.

На мне была одежда, которую позволяли моя скромная зарплата и умеренный бунтарский дух, – и этот мой стиль был на удивление разноплановым с точки зрения ограничений «офисного этикета» XXI века. Мне казалось, что к тому времени я уже научилась выражать в одежде определенное настроение, вдохновляясь теми коллегами, которыми восхищалась (беззаботные ребята, одевавшиеся в стиле «это всего лишь обычная работа»), но одновременно примеривалась к образу других коллег – самых амбициозных, одевавшихся в стиле «*вот это* – настоящая работа». Однако ничего выдающегося в моей одежде не было: в наши дни «кэжуал-шик» производят чаще всего с использованием не лучших конструктивных решений. Глобальное распространение «быстрой моды» привело к тому, что трендовые неудобные и иногда нелепые предметы стали встречаться сильно чаще, чем продуманный дизайн в комфортном исполнении. И на мне в тот день были брюки с кармашками, притороченными явно в последний момент, а мой трикотажный топ был слишком эластичный, чтобы в нем можно было надежно закрепить настоящие, не декоративные карманы.

Мой сосед по офису (из тех, кто вечно стремится к карьерному росту, носит изысканную куртку) прекратил благоговейно пялиться в телефон; вероятно, решил продолжить в более жизнеутверждающем месте. Так он и ушел – его мобильный покоился в левом нагрудном кармане, а в правом заднем кармане брюк четко вырисовывался бумажник, очевидно, с банковскими картами и проездным на метро. Прежде чем раствориться в толпе, он, приподняв бровь, вопросительно посмотрел на меня, как бы спрашивая, не хочу ли я одолжить у него двадцатку.

Как и этот парень, многие мужчины в целом с большой щедростью одалживают наличность, отягощающую им карман. Кто-то освобождает в нем место для ключей и губной помады очередной подружки, с которой вечером отправится на свидание. Но по большей части мужчины с туго набитыми карманами, похоже, мало задумываются над тем, насколько им повезло обладать этим встроенным пространством. Трудно по достоинству оценить то, что у тебя всегда было, – вот карманы и проходят мимо внимания тех, кто привык полагаться на их надежность и полезность. Люди воспринимают их как надежное хранилище: скидывая одежду на берегу, чтобы пойти окунуться, они, не задумываясь, ожидают, что к их возвращению и карманы, и их содержимое останутся в целости и сохранности.

При всей кажущейся маловероятности как минимум один подобный недосмотр был отмечен и зафиксирован для последующих поколений человеком, который много размышлял о том, что значит «торопливо выбегать» и что такое недостаток пищи. С «Робинзоном Крузо» Даниеля Дефо я ознакомилась через много лет после той учебной тревоги, бросив к тому времени работу в издательском бизнесе и занявшись преподаванием истории одежды, а также истории материальной культуры. Сюжет с карманами Робинзона, который современники Дефо называли «знаменитым ляпсусом», помог мне четко сформулировать причину, почему тогда в Нью-Йорке, стоя на тротуаре, я была в таком замешательстве.

Дефо поначалу безжалостно выкинул своего знаменитого персонажа на необитаемый остров лишь с ножом и курительной трубкой, а затем, чтобы не обрекать своего героя на

быструю голодную смерть, нашел выход (1): Крузо вдруг обнаруживает, что его потерпевший крушение корабль сел на мель неподалеку от берега. Решив разведать, чем там еще можно поживиться, он раздевается донага и, вплавь добравшись до судна, находит целую сокровищницу всяческих полезностей, включая изрядный запас сухарей, каким-то образом переживших бурю. Набив карманы этим нехитрым угощением, Робинзон опять же вплавь возвращается на берег и начинает планировать, как бы ему спасти оставшиеся на борту припасы и плотницкие инструменты. Хотя в наше время большинство читателей не заметят здесь какого-то подвоха, «знаменитый пассаж о его заплыве к берегу голышом с полными карманами сухарей» в ту пору навлек на автора массу насмешек. Как писали в 1725 году в *London Journal*, проблема логики в произведениях Дефо еще долгое время обсуждалась в обществе после первой публикации книги (2).

Ляпсус Дефо, вероятно, действительно мог вызвать образы от причудливо-диковинных до смутно-непристойных, раз привлек к себе столь пристальное внимание, но не исключено, что крылись за ним и более банальные вопросы (как, например, у меня), касавшиеся самой концепции кармана. Что это вообще такое – карман? И как так вышло, что его наличие вызывает столь завышенные ожидания относительно его верной службы?

Вроде бы не так уж и сильно, но вполне явственно и объективно карманы отличаются от своих более знаменитых родственников – всевозможных сумок, которые народы мира на протяжении тысячелетий использовали для самых разных целей. Сравнительно недавнее новшество, накладные и врезные карманы, – это, конечно, не единственный способ обеспечить хранение и транспортировку всего необходимого. Однако желание людей иметь что-то вроде сумочки или мешочка, надежно пришитого к одежде, и потому находящегося всегда с тобой, стало одной из причин столь широкого распространения карманов.

Томас Карлейль, британский историк и эссеист XIX столетия, полагал, что карманы были чуть ли не главной причиной, побудившей человека облачаться в одежду. Для людей, «слабейших из двуногих», писал он, одежда нужна не для сокрытия наготы, как полагают легионы богословов, а для компенсации прискорбной ущербности нашего слишком туго натянутого кожного покрова (3). Увидевший свет в 1836 году роман Карлейля “*Sartor Resartus*” (в переводе с латыни – «Перекроенный портной») стал одной из первых книг, содержащих сколь бы то ни было серьезные мысли о роли одежды в человеческом обществе. В ней же он указал на очевидный факт: люди по своей природе к сумчатым млекопитающим не относятся, и без карманов (или попутного корабля, что маловероятно) им никак не унести с собой все те инструменты, которые, по Карлейлю, и отличают человека от животного и позволяют действовать сообразно этому отличию (4).

Читатели Карлейля были весьма взбудоражены как его аналитическим взглядом на мир животных, так и указанием на то, что часть из них от рождения оснащены маленькими надежными кладовыми. О сумчатых в Европе никто не слышал вплоть до публикации отчетов капитана Джеймса Кука о его путешествии в 1770 году в Новый Южный Уэльс, в котором он описал невиданное диковинное животное, которое передвигается на задних ногах гигантскими скачками, а детенышей своих лелеет «в продолговатой набрюшной сумке (5) значительной глубины». Радуюсь появлению в пантеоне диких зверей этого весьма умильного на вид создания, авторы всего и вся – от политических карикатур до букварей и философских трактатов – неизменно обращали внимание на сходство сумки кенгуру с карманом. Страница буквы «К» детской азбуки Салли Скетч 1821 года подводила юных читателей к тому, что нечто, сделанное человеком, можно на самом деле расценивать как некий элемент анатомии (рис. 1). Вскоре острословы и пустозвоны всех мастей обратили внимание, сколь естественным и неотъемлемым атрибутом человека стали карманы. Можно было частенько услышать: «Человек без кармана – нелепая причуда природы!» (6)

Рис. 1. Салли Скетч. «Животные по алфавиту для юных натуралистов» (1821): «К: Кенгуру, гляжу, не спят / С карманом, полным кенгурят!»

Скептики же в своих комментариях указывали на весьма интригующие нестыковки в параллелях между сумчатыми и *Homo sapiens*. «С карманом, полным кенгурят» (7) в той же азбуке показана самка, так с какой стати тогда природа дала *мужским* особям человеческого рода чуть ли не монополию на карманы? У галантного кавалера в костюме карманов было как сот в улье, а у его дамы – зачастую ни единого, справедливо отмечали критики. Абсурдность ситуации подчеркивалась в вышедшей в 1944 году детской книжке Эмми Пэйн «Кэти-бескарманница», где мама-кенгуру, разродившись кенгуренком, вдруг обнаруживает, что у нее – вопреки всем законам биологии – выводковая сумка отсутствует, и она пускается в долгое и трудное путешествие за тем, что ей «причисляется» (8). Вместе с едва ковыляющим на своих двоих сынишкой Фредди Кэти добирается до большого города и там встречает слесаря-спасителя, который «ВЕСЬ в карманах». Он, войдя в ее положение, жертвует Кэти свой фартук

(рис. 2). Получив этот дар, мама получает возможность без проблем носить сына Фредди так, как и предполагалось природой (9).

Вопрос о том, кому и какие карманы «причисляются», является в этой книге одним из главных. Будучи, казалось бы, второстепенным элементом одежды, карманы раскрывают очень многое об организации повседневной жизни, включая неравномерное распределение власти. То, что наличие и размещение столь чисто функциональной вещи, как карманы, попало в категорию гендерно-обусловленных явлений, – это больше, чем просто «забавная случайность», поскольку в реальности это лишь одна из целого ряда загадочных традиций, сродни размещению пуговиц строго на правую полу мужской и на левую полу женской рубашки. Впрочем, хотя размещение пуговиц под левую руку и выглядит произволом, никому из дам это по утрам одеваться не мешает. А вот неравномерное распределение карманов – дело уже куда более серьезное, и проистекающие от него явные неудобства вызывают раздражение и по сей день.

Рис. 2. Х. А. Рей, иллюстрация к книге Эмми Пэйн «Кэти-бескарманница» (1944): Кэти и ее сын Фредди вызывают о помощи к слесарю с целым фартуком карманов

Как мы используем имеющиеся у нас карманы (вне зависимости от их числа) – тоже вопрос не праздный. Что нам нужно иметь при себе? Как менялись наши представления об этом в зависимости от века? То, что у Кэти в одном из карманов нового фартука найдется место для Фредди, а у Робинзона Крузо всегда будет при себе карманная ножовка, – это само собой. Больше интригуют причудливые собрания случайных вещей, рассованный по карманам «хлам». Вопросы о привычках людей как раз и порождали бесчисленные перечни и описи всякой всячины в мужских карманах или дамских сумочках. Якобы содержимое карманов способно рассказать все об истинном характере, чаяниях и тревогах носителей «россыпей» (рис. 3). Любопытство легко может смениться оскорбленными чувствами, когда содержимым карманов оказываются всего-навсего руки их хозяина. Поскольку брючные карманы, по образному выражению американского поэта Говарда Немерова (1920–1991), провокационно «ведут к средоточию похоти» (10), их использованию без надобности некогда было уделено чрезмерное внимание блюстителями правил вежливого поведения. Так как же тогда вышло, что в некоторых ситуациях (и в каких именно?) позы с руками в карманах стали считаться верхом элегантности и «крутизны»?

То, для чего мы используем карманы, не менее важно, чем то, как мы их делаем, и с точки зрения дизайна карманы уникальны в плане своих практических свойств. Из всех функциональных элементов одежды лишь карманы никоим образом не помогают человеку в процессе одевания. В отличие от молний, шнуровок, пуговиц, кнопок и прочих петелек и ремешков карманы не используются нами, чтобы надевать, снимать или регулировать под себя какой-либо предмет гардероба. Можно сказать, что одежда исторически менялась так, чтобы у нее могли быть карманы. Или, по меньшей мере, не препятствовала нашествию этих «хитрых попутчиков».

Рис. 3. Туллио Перикколи. «Портрет Робинзона» (1984). Итальянский художник-иллюстратор изобразил Робинзона Крузо в окружении всех полезных вещей, что оказались при нем

в итоге на необитаемом острове (включая дополнительные 12 позиций в описи справа). Ножи, пилы, компас и ножи прячут над ним ореолом, занимая ту же площадь, что и его собственная фигура.

С тех самых пор, как без малого пятьсот лет тому назад карманы впервые оказались вшитыми в мужские брюки, портные и модельеры стали делать их в самых немислимых местах, с особым усердием использовать их в мужских костюмах-тройках, где карманы можно обнаружить и на внутренней подкладке, и на фалдах фраков. На первой для Музея современного искусства в Нью-Йорке (МоМА; 1944) выставке о моде его куратор, архитектор Бернард Рудовски, создал специальную инсталляцию. Она наглядно демонстрировала распределение в середине XX века карманов по телу мужчины, число которых Рудовски явно считал избыточным. В каталог объекта он включил подборку рентгеновских снимков, позволяющих разглядеть всю подноготную и удостовериться, что карманы для мужской одежды бывают симметричными и несимметричными, разной формы и с разным выравниванием относительно друг друга (рис. 4). Из разноцветной схемы следует, что расположение карманов относительно торса меняется в зависимости от предмета одежды. Карманы тяготеют к бедрам и груди во всех предметах одежды и, похоже, на их расположение влияет факт того, кто будет носить одежду – правша или левша. В общей сложности в распоряжении у мужчины, одетого в брюки, рубашку, жилетку, пиджак и пальто, может оказаться до двадцати четырех карманов, «слой за слоем накладывающихся» друг на друга (11).

По мере своего распространения карманы приобретали самые экзотические формы и узкоспециализированные функции. Их степень диверсификации служит, наряду с их многочисленностью, еще одним свидетельством долгой истории знакомства с ними. Складчатый карман с клапаном, к примеру, по мере надобности раздвигается гармошкой, позволяя помещать массу полезного груза, в то время как поясные карманы браконьерской экипировки хитро сдвинуты за спину, что позволяет браконьерам надежно прятать свою добычу. Просторные передние карманы у брюк позволяют не только согреть в них кисти и запястья, но еще и прятать в них руки тем, кто не знает, куда их еще деть от неловкости или смущения. А вот миниатюрные билетные карманы не такие гибкие, зато позволяют быстро и удобно извлекать хранящуюся в них мелочевку. Вероятно, лишь вышколенный модельер способен объяснить на профессиональном языке, почему прорезные карманы с клапанами, завернутыми внутрь, более приличествуют официальному мужскому костюму, нежели накладные карманы с петелькой на пуговице. Однако у любого профана наберется достаточно жизненного опыта для четкого понимания двойного назначения карманов – декоративного и функционального. Бывают карманы крикливые и кичливые, а бывают скромные и непритязательные. Бывают карманы, которые открывают себя нараспашку и всегда готовы к использованию, а бывают такие, что надежно защищают себя клапанами, застежками и пуговицами. Модельеры-дизайнеры успели наплотить множество самых причудливых и фантастических фасонов – вплоть до имитирующих теннисную сетку, ящики комода или россыпь игральные карты. Вот только в полной ли мере они вняли многовековым призывам женщин к «равенству карманов»? (12)

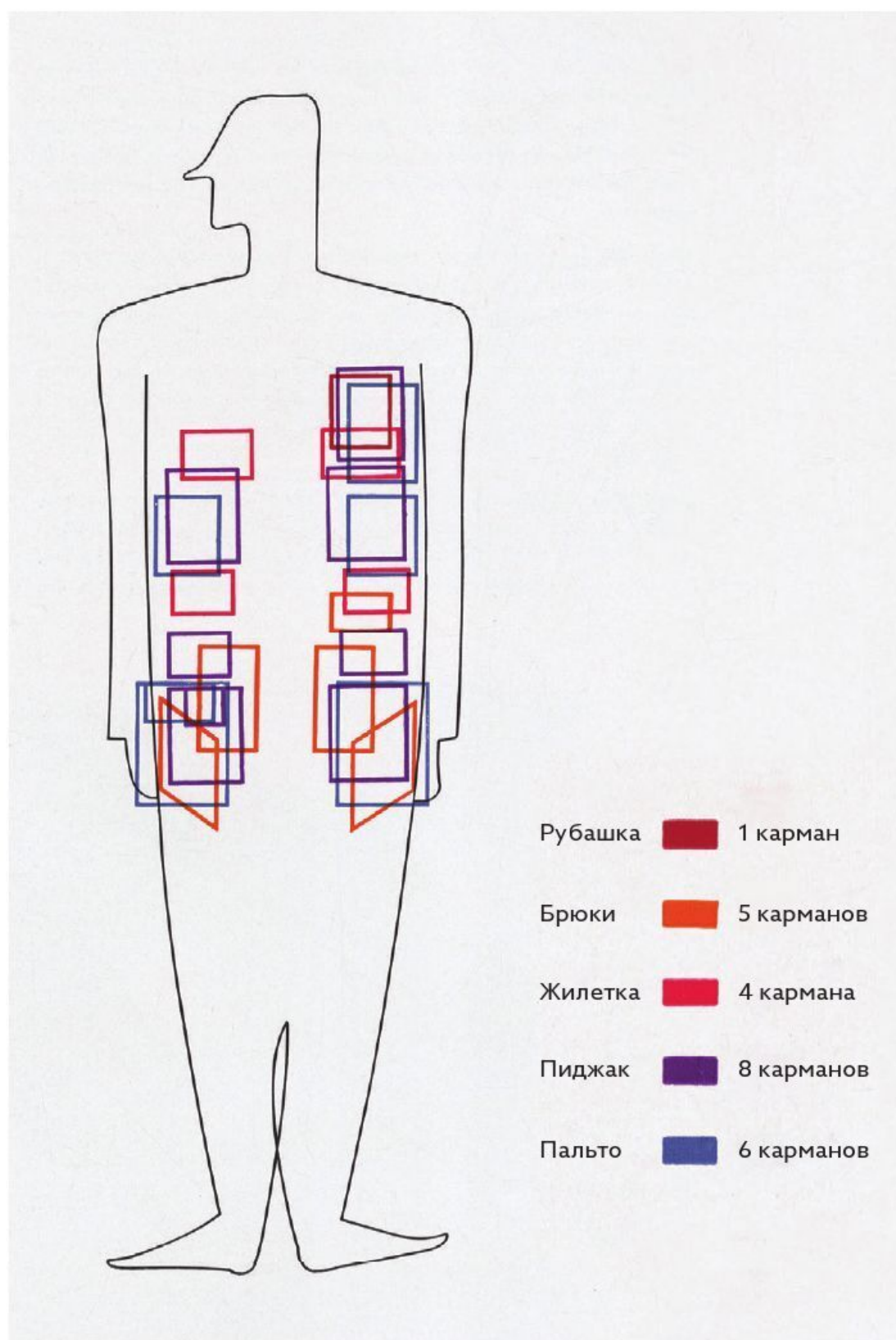

Рис. 4. Иллюстрация «24 кармана» из книги Бернарда Рудофски «Современна ли одежда? О том, что сейчас носят» (1947).

Наше равнодушие к карманам требует пересмотра самого понятия «быть одетыми» – мы должны признать, что достигли чувства самодостаточности благодаря наличию у нас мно-

жества скрытых «ячеек» для тех самых мелочей, которые позволяют нам как бы невзначай приводить себя в порядок или служат источником практической или эмоциональной помощи в течение дня. Полагаемся мы и на защитно-охранительную их функцию, хотя это и чревато развитием подозрительности и фобий – не даром же враждебные столкновения между властями и гражданами чаще всего начинаются с требования «Держать руки на виду!» Даже находясь в отчаянии, мы полагаемся на карманы, как Вирджиния Вульф, набившая для верности их камнями, прежде чем утопиться в реке Уз.

Карманы меняются – так же, как и одежда в целом. Будут ли нужны они нам в будущем, когда двери будут открываться не ключами, а по мановению руки с помощью вшитого в рукав микрочипа? Люди давно мечтали о мирах, столь продвинутых, что там отпадает всякая надобность в некогда необходимом оборудовании. Однако сейчас мы и при обилии карманов не всегда находим в них самое нужное. «У тебя что – в кармане кораблик?»¹ – иронизирует в романе Голдинга «Повелитель мух» Ральф над товарищем по несчастью, который, вглядываясь в горизонт, размышляет, смогут ли они когда-нибудь выбраться с необитаемого острова. Понятно, что некоторые предметы не поддаются масштабированию до карманных размеров на случай чрезвычайных ситуаций (а приложение для смартфонов «корабль-без-регистрации-и-смс» еще не разработано). Однако, прилежно приспособливая карманы под всевозможный подручный инвентарь, производители признают тем самым, что одежда неразрывно связана с предметами. И когда карманы включаются в одежду осознанно и с умом, они становятся наглядным свидетельством усилий, которые прилагают модельеры, чтобы предвосхищать нужды человека и расширять его возможности (13). К тому же с карманами по бокам нам в любом случае не грозит полное одиночество. Даже когда возникает чувство, что мы оставлены на произвол судьбы и вынуждены обходиться лишь тем, что есть при нас.

¹ Голдинг, У. Повелитель мух / Пер. Е. Суриц // Собрание сочинений / Сост. М. А. Шерешевской. СПб. : Симпозиум, 2000. Т. 1. С. 128. (Ex libris).

Глава 1

Происхождение кармана: «тайник за пазухой»

Марк Твен считал карманы одним из полезнейших изобретений в истории человечества. С учетом того, что он застал появление и повсеместное распространение пароходов, телеграфа и трансконтинентальных железных дорог, может показаться удивительным, что он говорит о карманах. Но когда писатель представлял себя в образе «средневекового странствующего рыцаря», в этой ипостаси ему больше всего недоставало именно карманов.

Рис. 5. Обложка кастильского героического эпоса «Песнь о Сиде» (XII век) в английском переводе Роберта Саути (1808), 1883 года издания. Экземпляр из семейной библиотеки семьи Клеменсов с дарственной надписью рукой Марка Твена: «Кларе Клеменс на Рождество 1884 года от папы»

Средневековые фантазии донимали Твена не на шутку – вплоть до того, что он вскакивал среди ночи и тут же записывал детали своих дурных снов в блокнот, который держал как раз для такого случая на прикроватном столике: «Ни единого кармана на латах. Ни единой

возможности справиться естественные нужды. Даже почесаться нельзя. Простужен, – не высморкаться – платка нет, а железным рукавом не утереться» (1). Как и подобает хорошему писателю-юмористу, Твен быстро перерабатывал неприятный опыт личных переживаний в незабываемо комичные образы. Огорченный реабилитацией рыцарства как явления в культуре конца XIX века, внешне выражавшейся в превознесении до небес необузданно мужественных ковбоев и главарей разбойничьих шаяк, Твен надеялся заземлить их образ и «нанести скрытый, замаскированный удар по этой чепухе о странствующем рыцарстве» (2). И это ему в полной мере удалось в своем романе, который считается одним из первых произведений, посвященных путешествиям во времени (3).

Когда Хэнк Морган, нравственного и правильного героя романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», заносит на тринадцать столетий назад в Британию эпохи владычества этого легендарного короля, ему не остается ничего другого, кроме как пополнить ряды рыцарей, «одержимых поисками Святого Грааля» (4). В сцене, отражающей его собственный сон, Твен напоминает читателям, что рыцари при всем блеске их лат и цветистости знамен отнюдь не были неуязвимыми и не могли передвигаться с такой легкостью, как это принято было изображать на популярных иллюстрациях (рис. 5). Скованный слоями металла Морган обливается потом подобно любому, кого поместили бы на солнцепеке в кожух из теплопроводящего материала. Еще большую беспомощность твеновский потный рыцарь испытывает из-за неспособности запустить руку под свои доспехи, чтобы утереться, да при этом еще и сообразив, что платок для этой цели ему взять неоткуда. «Повесить бы того, кто выковал эти доспехи без единого кармана!» – в сердцах восклицает агонизирующий Морган (5).

Коннектикутский янки претерпевает в доспехах столь острые страдания, что предлагает «скандальное» решение: потребовать отныне и впредь включать в амуницию рыцарей королевства какую-нибудь мошну. Принуждение рыцарей к ношению этого якобы женского аксессуара должно было, по замыслу Твена, еще больше подорвать репутацию «железных болванов», выставив их на посмешище (6). Автор, имея в личной библиотеке обширное собрание книг по истории одежды, безусловно, отлично знал, что в Средние века мошна была практически неотъемлемым предметом как женского, так и мужского облачения (7). Тем не менее в надежде заработать очки на подчеркнутом контрасте между раннесредневековым и современным бытом Твен старательно обошел стороной более интересный вопрос: почему люди в большинстве своем вообще отказались от мошны в пользу кармана?

Выявление катализаторов и механизмов подобных «сдвигов парадигмы» – задача безмерно трудная. Мы склонны к ярким историям происхождения чего бы то ни было, особенно таким, в которых удачно сочетаются характер новатора, его гениальность и удачные обстоятельства. Хорошим примером служит талантливый Эрл Таппер, который во времена Великой депрессии работал в компании *DuPont* (8): насмотревшись, как его провинциальные родственники старались бережно сохранять любые остатки пищи, он изобрел многоразовые пластиковые контейнеры (*Tupperware*). Но по большей части истории предметов весьма скучные. Книжки с многообещающими претензиями на раскрытие тайн происхождения самых обыденных вещей – жевательной резинки, хула-хупов, чайников со свистком и т. п. – чаще всего сводятся к тому, что реальные корни их происхождения доподлинно неизвестны (9). Чем древнее и обыденнее предметы, тем неуловимее фигуры их создателей и тем туманнее происхождение. Это справедливо и для любого элемента одежды. О том, что пуговицы с прорезями впервые получили широкое распространение в средневековой Европе, нам, к примеру, известно из описей гардеробов венценосных особ, в которых они и упоминаются (10). Но был ли конкретный человек, который воскликнул: «Ага!» – додумавшись, что одеяние можно и не делать широким, раз его не нужно снимать через голову? Этого мы никогда не узнаем.

Можно, однако, попробовать отследить корни подобных предметов и элементов одежды, возникших в силу общего соглашения и распространившихся повсеместно. Их появление

сродни открытию нового моря. Мы уже и не помним, как обходились без некоторых приспособлений до их появления; и мы сами, и окружающий мир с тех пор несколько изменились. Мечта янки из Коннектикута о карманах в рыцарских доспехах выглядит удивительно абсурдной (ведь карманы противоречили бы самой идее железных лат как непроницаемой брони), но явственно намекает на силу нашей привычки к предметам, наличие которых мы воспринимаем как данность.

Когда карманы жили сами по себе

Обзор всемирной истории одежды наводит на мысль, что встроенные карманы – весьма своеобразное новшество европейской традиции кройки и шитья. В одеяниях, которые обматываются вокруг тела, таких как индийские дхоти и сари, как и в набедренных повязках народов Юго-Восточной Азии, Африки и Океании, карманы традиционно не используются (11). Иными словами, там, где в силу социокультурной традиции ценится целостность готового изделия, карманы в одежде не предусмотрены. Облачающиеся в нее носят свои пожитки либо в сумках, либо во временных карманах, которые делают, заворачивая излишек ткани за пояс. Так же поступают тибетцы – их традиционная *чуба* имеет полы до щиколоток и перепоясана длинным кушаком. В результате в образующуюся полость можно поместить множество вещей (12). Много чего могло скрываться и в *синусах* (диагональных складках) римских тог, которые император Октавиан Август велел досматривать на предмет наличия оружия (13).

В большинстве культур – и на протяжении значительной части западной истории – люди носили орудия труда и обиходные мелочи более или менее надежно распределенными по одежде: часто за поясом, на поясе или в притороченной к поясному ремню-сумочке², – кстати, именно так обстояло дело у рыцарей, которых Твен вознамерился за это высмеять, считая подобные детали частью *женского* образа. Стратегия Твена тут же рассыпалась бы на куски, попади он сам в ту эпоху: в раннем средневековье поясной ремень с кошельком был самым что ни на есть желанным аксессуаром, признаком вкуса, богатства и даже сексапильности. Как утверждал бог Любви, герой «Романа о Розе» (XIII в.), популярнейшего памятника средневековой литературы, поклонник, ищущий внимания приглянувшейся ему особы, «ничтожество, коль он не элегантен». Облачайся во все лучшее, что тебе по карману, – увещевал тот Бог любви, не скупясь на броские украшения наподобие перчаток и ремня, – а главное – не забудь «покрасоваться» туго набитым «шелковым кошельком» (14).

И красовались, да еще как! Поясные кошельки служили признаком доблести и статуса, и иметь их было делом чести для любого претендента на звание безупречного воина-аристократа (15). В иллюстрированных манускриптах XIV–XV веков мы находим массу образов как солидных лендлордов, так и юных модников, щеголяющих роскошными кошельками из вышитого шелка, бархата или кожи тонкой выделки. Встречаются экземпляры и с декоративным тиснением, и с инкрустацией драгоценными камнями. Кошельки могли представлять собой как мягкие мешочки, так и обшитую тканью металлическую рамку с хитроумными застежками и несколькими отделениями внутри. Кошель на поясе, обтягивающем талию или свисающем на бедрах, мог иметь прорезь, с помощью которой можно было закрепить и держать на виду свой кинжал. Именно такая модель представлена на классической иллюстрации «Декамерона» Боккаччо (рис. 6). Ремень с кошельком стал в мужском наряде ключевым контрапунктом, своеобразной точкой сборки одежды на поясе или бедрах, позволяющей визуально увеличить ширину плеч. В 1342 году флорентийский историк Джованни Виллани сетовал на то, что из-за подобного рода аксессуаров мужчины смахивают на лошадей – пояса с вычурными пряжками и подвесным кошельком стягивали их пухлые животы подобно тугой подпруге (16).

² Автор ограничивается упоминанием лишь в «Благодарностях» древнейшего в Европе заплечного кожаного колчана для стрел и мелочей первобытного охотника Этци (нем. *Ötzi*), датированного (радиологически) 3300 годом до н. э. (см. URL: <https://www.iceman.it/en/equipment/>). – Здесь и далее в подстрочных сносках даны примечания переводчика.

Рис. 6. Иллюстрация из «Декамерона» Джованни Бокаччо 1414 года издания

Женщины также приторачивали кошельки к поясам, но на длинной подвеске, так что те свисали до середины бедра и даже ниже, причем зачастую не поверх платья, а под ним. На той же иллюстрации к Бокаччо дама носит свой кошелек под платьем и приподнимает его, чтобы показать – это, по-видимому, был выразительный жест (рис. 6). Из средневековой поэзии явствует, что такое размещение пояса и кошелька воспринималось еще и как символ эротической привлекательности (17). Мельник, один из паломников в «Кентерберийских рассказах» Чосера, описывая красивый ремень Алисон, особо подчеркивает: «У пояса, украшена

кругом / Шелками и точеным янтарем, / Висела сумка...»³ – и далее восхищается, как висящий на шнурке кошелек качается между ее ног в такт шагам. Веками различия между мужскими и женскими поясными кошельками или сумочками проходили исключительно по признаку того, как они носятся, в то время как сам кошелек не обладал «гендерной специализацией».

Карманы в современном понимании использовались в Средневековье, но тогда они были независимыми от одежды и внешне скромными аксессуарами. В английском языке существительное *pocket* («карман») – это заимствование (18) французского *poche* («сумочка») с поправкой на средневековое англо-нормандское произношение *poke*⁴. Когда к слову добавлялся уменьшительный суффикс «-ette», оно означало просто «маленькая сумка».

Ранние карманы имели весьма широкий спектр применений. В упомянутых «Кентерберийских рассказах» Чосера вошедший карман⁵ назван в числе незаменимых орудий алхимика (19). В опубликованном в 1552 году книгопечатником Уильямом Копландом толстом сборнике целебных травных рецептов предлагалось для «остановки потока крови» привязывать к «жалобному месту» карман с необходимыми целебными ингредиентами (20). По большей части, однако, карманы для будничных нужд носили на себе или при себе (21). И, как и любой сумки, их вполне можно было лишиться, в том числе против собственной воли. В этом, к примеру, на собственной шкуре убедился муж-подкаблучник на сатирическом рисунке 1530 года, где властная жена, забрав у него карман и меч, заставляет его развешивать выстиранное белье (22).

Идея встраивать карманы в одежду – подальше от чужих рук – была оценена по достоинству далеко не сразу. На протяжении всего XII столетия представители обоих полов облачались в длинные мантии или туники свободного кроя. В доиндустриальную эпоху ткань сама по себе являлась столь дорогостоящим вложением денег, что портные в Европе и по всему миру старались использовать весь отрез материала до последнего кусочка. Ведь ткань ценилась на порядок выше их труда (23). К XIV веку мастера принялись экспериментировать со все более сложными выкройками. Пошив одежды, в отличие от драпировки, включал разрезание драгоценной ткани на более мелкие части и последующее сшивание их вместе. Результатом была одежда, которая точно соотносилась с контурами тела (24). Часть стыков можно было оставлять незащитными, и эта стратегия хорошо прослеживается в редких экземплярах средневековой одежды, найденных в норманнских захоронениях. Из восьми платьев, дошедших до нас в отличной сохранности, четыре имеют промежутки в швах между передним и боковым полотнищами (рис. 7). Кромки этих щелей обметаны, чтобы предотвратить случайное раскрытие. Обнаружены они были как в женской, так и в мужской одежде, и располагались на уровне бедер, что обеспечивало рукам удобный доступ к сумке, закрепленной под одеждой (25). Не исключено, что те, кто носил эти платья, еще и постоянно держали ладони в карманах на тот же манер, как это делает принцесса Иоанна, дочь английского короля Эдуарда III, представленная небольшой статуей у могилы ее отца в Вестминстерском аббатстве (рис. 8).

³ Цит. по: Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы: в стихах / Дж. Чосер; пер. И. А. Кашкина, О. Б. Румер. М.: Гослитиздат, 1946.

⁴ В русском языке слово «карман» появилось в конце XVI века, и этимология его доподлинно неизвестна, хотя большинство лексикографов и обращает внимание на его сходство с тюркским *karman* (вместилище), производным от *karma* (держать). См. URL: <https://lexicography.online/etymology/к/карман>.

⁵ В классическом русском переводе Слуга каноника, повествуя о своем пагубном увлечении алхимией, утаивает форму, зато разглашает материал фильтра и сообщает, что использовал «вощеную холстину».

Рис. 7. Норманнское платье, извлеченное археологами из торфяного болота на юго-западе Гренландии и датируемое (с помощью радиоуглеродного метода) периодом с 1180 по 1530 год

Рис. 8. Скульптурный портрет Иоанны Английской, дочери короля Эдуарда III, скорбно стоящей у гробницы отца, держа руки в узких прорезных карманах. Вестминстерское аббатство, 1377 год

Но и на фоне разработки европейскими портными все более изощренных приемов кройки и шитья устоявшаяся средневековая практика обращения с одеждой еще долго препятствовала интеграции карманов. Тонкая шерстяная ткань верхнего платья, туник и накидок использовалась многократно – перекраивалась и перешивалась, в частности изнанкой налицо, чтобы продлить срок ее службы. Поскольку стирка в ту пору представляла собой хлестание мокрыми предметами одежды о камни (эффективных моющих средств еще не существовало), пуговицы и подобные застежки делались съемными. Средневековые портные старательно избегали включения в одежду каких-либо элементов, препятствующих уходу за ней и возможности перекройки и повторного использования. И этой практике соответствовали вкус в одежде и ее эстетика. Портные использовали пуговицы и шнурки (стягивающие края с проделанными в них небольшими отверстиями), дабы платье плотно облегало тело и визуально улучшало фигуру. При этом средневековая одежда оставалась относительно свободной от орнамента, и в ней по-прежнему почитались ненарушенные глади цельных кусков ткани. Такое излишество, как прорезные карманы, в подобных условиях, скорее всего, только добавили бы хлопот (26).

Бриджи: «Нет хранилища надежнее»

Карманы стали действительно практичным элементом одежды только тогда, когда портновское искусство достигло более высокого уровня развития и стало более совершенным. И случилось это, судя по всему, благодаря появлению бриджей, которые в ту пору считались предметом исключительно мужского гардероба.

Штанины в мужской одежде начали появляться лишь в начале XIV столетия. (Хотя история узких штанов куда древнее, в них еще кочевники гарцевали верхом на конях по степным просторам Евразии самое меньшее за тысячу лет до нашей эры (27), в средневековой Европе их ношение не практиковалось вовсе.) Некоторые историки моды полагают, что появление пластинчатых доспехов и обусловило «раздвоение» нижней части мужского наряда на штанины. Чтобы дать рыцарю возможность защитить латами каждую часть тела, портные научились шить тканевые поддоспешники, плотно облегавшие каждую конечность (рис. 9). Сначала эта деталь одежды была похожа на колготы; затем верхняя их часть отделилась от нижней и стала называться короткими штанами или бриджами (28). Дамские платья эта тенденция не затронула. Несмотря на то что одежда стала более обтягивающей в области корсета, подчеркивая тем самым декольте и талию, ниже сохранялась обширная юбка. С этой исторической развилки и началась дивергенция, приведшая к тому, что мужская одежда до сих пор ассоциируется с брюками, а женская – с юбками (рис. 10).

Фасоны бриджей в разных уголках Европы и в разные годы заметно варьировались: этот элемент одежды мог походить как на дутую «тыкву», где материал держит упругую округлую форму, так и на обвисшие шаровары. Однако отождествление бриджей с мужским полом было настолько явственным, что противопоставление юбки и бриджей вполне можно было соотнести с борьбой за главенство в семье между мужем и женой. Эта «битва за брюки» (со временем переросшая в принципиальный вопрос: «Кто в этой семье носит штаны?»⁶) находила отражение во множестве баллад, иллюстрирующих жаркие сражения между супругами за обладание этим атрибутом силы и власти (рис. 11). По мере того как бриджи приобретали символическое значение (как олицетворение патриархальной власти), эта одежда также выполняла вполне практические функции: они не только изящным образом прикрывали чресла⁷, но и служили вместилищем превеликого множества более или менее полезных вещей (29).

⁶ Английский идиоматический аналог русского выражения «Кто в доме хозяин?».

⁷ Здесь прослеживается игра слов: *breeches* («бриджи») происходит от *breech* («зад, ягодицы»), которое и используется здесь.

Рис. 9. «Рыцарь и дама с копьем и шлемом», рисунок немецкого мастера Е. S. на бумаге верже (середина XV века). В XV веке, когда все шире распространялось огнестрельное оружие, длинная кольчуга уже не могла обеспечить защиту тела, и оружейники разработали пластинчатые доспехи, которые лучше могли обезопасить от попадания пули. В отличие от кольчуги, плотно облегавшей тело, доспехи приходилось подгонять под конкретного владельца, и обязательно требовался специально сшитый мягкий подлатник

Для достижения эффекта округлости портные набивали бриджи волосом и мелкими лоскутами, а для придания пышности прокладывали их слоями хлопковой ткани. Существует множество примеров, когда материальные свойства обретали фигуральное значение, и пышность – один из них: она стала символизировать соответствующее отношение – важность и самодовольство напыщенного мужа усиливались пышностью его бриджей. Критики же составлялись в остро словии по поводу модников, щеголявших в «бриджах пузатых, как бочки» (30).

Ключевыми в моде были силуэт и размер, и кто угодно, включая слуг и подмастерьев, мог попытаться перешеголять всех по части габаритов своих бриджей, если верить критикам, таким как пуританин по имени Филип Стаббс (31). В ответ – законы против роскоши, веками регламентировавшие в основном материалы (к примеру, сколько золота и серебра допустимо носить на дублете рыцарю, а сколько – простому джентльмену), обратились к вопросам формы. К началу 1560-х годов английская корона целым рядом указов умерила «чудовищное и вопиющее величие штанов» (32). Эдикт 1562 года содержал прямой запрет на использование портными свыше $1\frac{3}{4}$ ярда⁸ ткани и более одной подкладки на пару штанов. Также устанавливался предельно допустимый вес порток в сорок фунтов (33). Нарушение ограничений каралось штрафами и даже тюремным заключением. Однако знание этого закона не мешало молодым слугам из одной пьесы 1564 года набивать в свои бриджи по семь ярдов ткани. Автор там высмеивает готовность этих персонажей таскать на себе столь тяжкое бремя, а герой по имени Грим уподобляет бриджи юнцов бурдюкам с водой на вьючных мулах и озвучивает догадку, что подобные шаровары «хороши разве что для тех, кто лишен ягодиц». Также Грим гадает, навьючивают на себя слуги эти бурдюки из тщеславия или же предлагают себя на роль «носильщиков чужого барахла» (34).

⁸ 1,6 м. Далее англо-американские единицы измерения (дюймы, фунты и т. п.) для удобства восприятия переводятся в метрические, кроме случаев прямых цитат из исторических и юридических документов.

Рис. 10. Общепринятые во всем мире пиктограммы, использующиеся в общественных туалетах по-прежнему подчеркивают разделение по признаку «брюки/юбка»

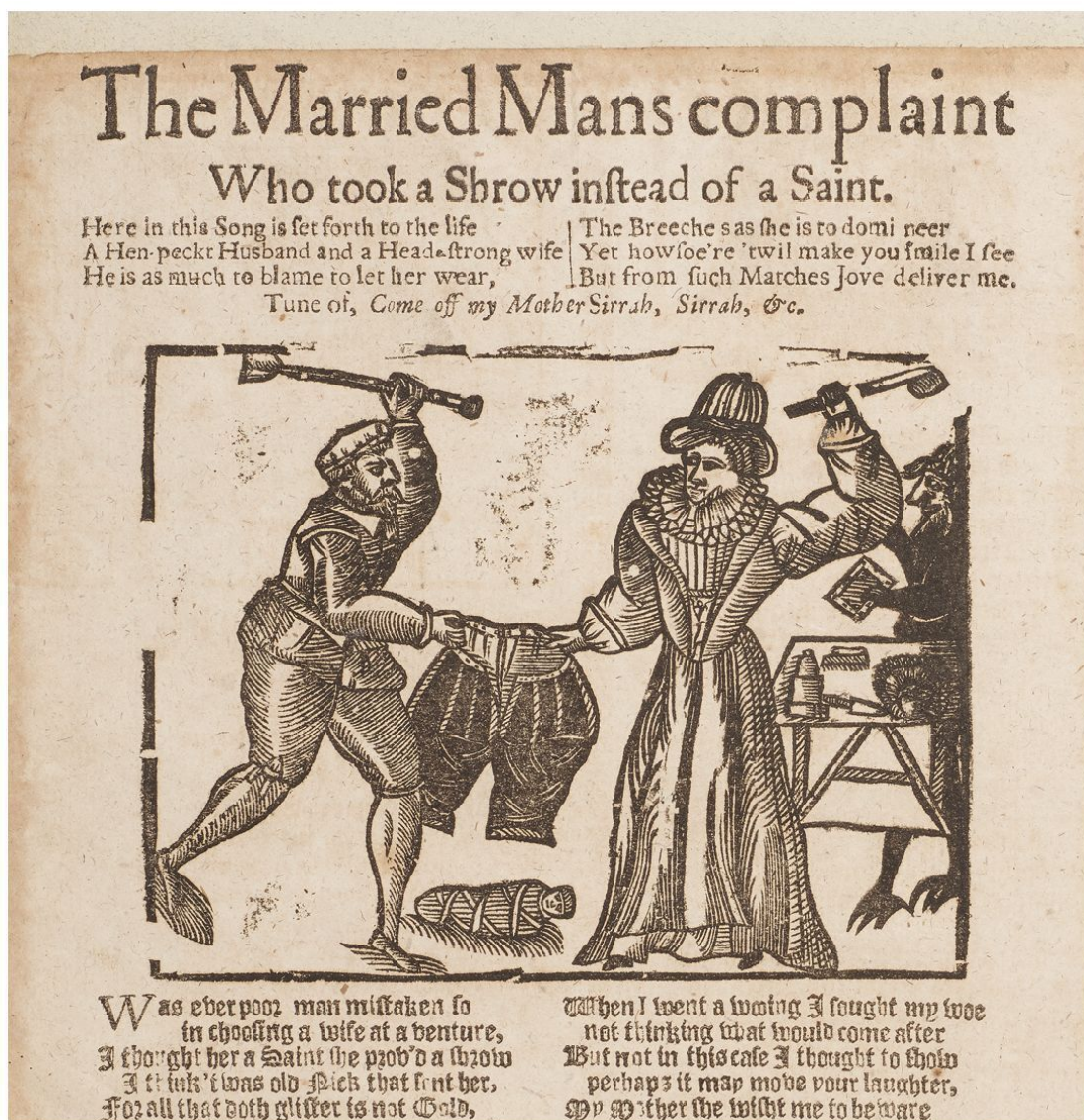

Рис. 11. «Жалоба мужа, взявшего в жены стерву под личиной святой» (примерно 1550-е годы). Гравюра иллюстрирует «битву за бриджи»

Жертвы моды, подобные этим слугам, подвергались не только насмешкам, но и досмотру: стражи у городских ворот неусыпно отлавливали нарушителей законов против роскоши (35). Придворным и знати, впрочем, каким-то образом удавалось благополучно увильнуть от соблюдения запретов подобного рода, тогда как те, кто влиянием не обладал, в полной мере испытывали на себе тяжкое бремя пристального внимания и надзора со стороны государства. К примеру, в январе 1565 года был задержан слуга по имени Ричард Уолвейн – вместе со своими «штанами чудовищных размеров», которые с него в итоге сняли, распорол и вывесили на пике реять на ветру (в одном ряду с отрубленными головами преступников) на Лондонском мосту, «дабы висели они там в назидание людям как пример крайнего скудоумия». Другого попавшегося трудягу, портного по имени Томас Брэдшоу, вынудили прошествовать домой по улицам города, как был, в своих непристойных бриджах, но с одной разорванной штаниной и волочащейся по земле набивкой. Подобное публичное унижение в буквальном смысле срывало

излишки самомнения с тех, кто заносился не по статусу, показывая всю суть их тщеславия – обрывки и лоскуты (36).

Помимо тряпичной набивки имелаась в бриджах начинка и поинтереснее. Еще один анекдот о государственном надзоре за бриджами повествует о безымянном нарушителе, который тоже предстал перед судом все по тому же обвинению, но был оправдан. От наказания его избавило наличие в штанах новомодной штуковины под названием «карманы». Подойдя к судьям с просьбой о помиловании, задержанный запустил руки через прорези в эти карманы – по сути, мешки, пришитые к бриджам изнутри, – и принялся извлекать на свет всякую всячину, причем в неимоверных количествах. Сцена чем-то напоминала цирковой номер, где из крошечной легковушки вылезает нескончаемая вереница клоунов. Подсудимый извлек из карманов пару простыней, две скатерти, десять салфеток, четыре рубашки, щетку, зеркало, расческу, ночной колпак и «другие полезные вещи». Вскоре пол вокруг был усыпан его пожитками. После этого подозреваемый обратился к судьям с заявлением, что «никакой другой столь же надежной кладовой» для хранения личных вещей у него не имеется. Будучи сильно отягощен столь тяжелой ношей, он честно признался, что в подобных бриджах он чувствует себя «прямо как в тюрьме». Однако же карманам он при этом воздал хвалу за приносимую ими пользу: они верно служат «кладовой для всего моего добра». По достоинству оценив его выступление, судьи со смехом отпустили его, приказав ему лишь «не менять обстановку своей кладовой, а для этого избавить зал суда от своего баракла и держать его при себе, где и как ему угодно» (37).

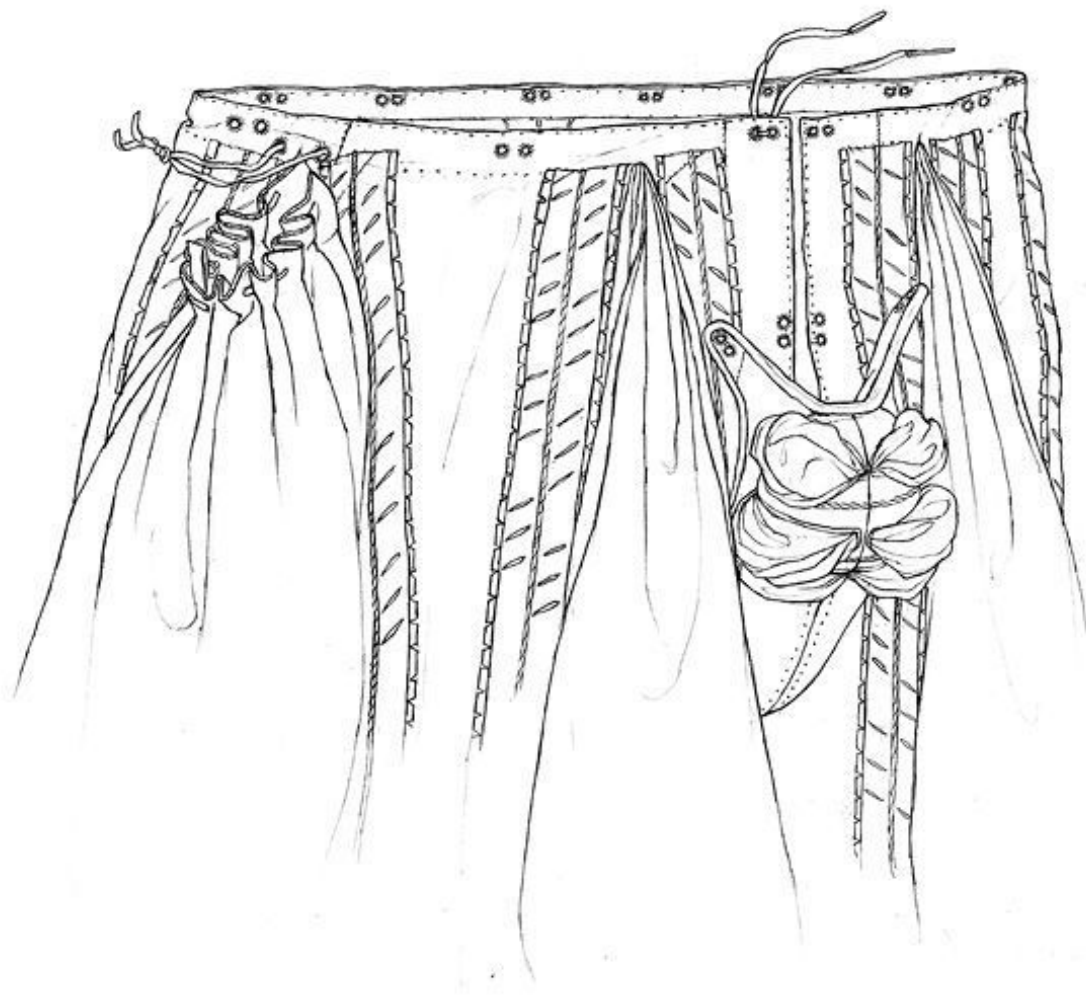

Рис. 12. Штаны Сванте Стуре, которые он носил в 1567 году. Зарисовка Джанет Арнольд. Единственный «карман-сумка» с затягивающимся шнурком пришит с правой стороны; по

центру штанины соединены шнурованным гульфиком, выполняющим функцию современной ширинки. Кстати, бытует версия, что гульфик также являлся разновидностью кармана

Хотя сравнение с кладовыми было преувеличением, мешковидные карманы, подобные описанным в этой истории, были значительно вместительнее и прочнее современных карманов-конвертов. Изучая сохранившиеся образчики предметов гардероба XVI века, историк одежды Джанет Арнольд обнаружила нечто наподобие мошны на шнурке, пришитой к паре мужских штанов, датируемых 1567 годом и принадлежащих шведскому графу и государственному деятелю Сванте Стуре (ок. 1460–1512) (рис. 12). Арнольд определяет этот ранний фасон кармана как «карман-сумку», подчеркивая его переходную природу (38). Но люди в XVI веке называли их просто «карманы» (и далее я буду называть их так же). Они крепились к поясу и свободно с него свисали. У Стуре глубина кармана составляла 30 сантиметров, но встречались и карманы полуметровой глубины. Они могли быть льняными или холщовыми, а могли изготавливаться из более долговечной кожи. Одни могли затягиваться на шнурок, другие имели складку и пришивались к боковому шву. В этой ранней конфигурации добраться до содержимого карманов бывало трудновато, как видно из иллюстрации к балладе того времени, где персонаж вынужден, изогнувшись, задействовать обе руки, чтобы ослабить шнуровку кармана и достать из его глубин то, что ему нужно (рис. 13).

Рис. 13. «Пророчество пахаря» (1550-е). На ксилографической иллюстрации к балладе показано, как непросто мужчине запустить руку во встроенный «карман-сумку» бриджей

Ранние пользователи карманов, однако же, ценили их свойства весьма высоко, если судить по упоминаниям в текстах театральных пьес – в них восторженных отзывов встречалось чуть ли не больше, чем в отчете того судебного процесса. Подобно подозреваемому, оправдавшемуся доводом «все свое ношу с собой», авторы пьес охотно преувеличивали и размеры, и значимость карманов. Плут Фриско из комедии конца XVI века сокрушается, что на нем скромные английские бриджи, а не знаменитые – большие и мешковатые – штаны, которые носили голландцы. Облапошив троицу своих неудачливых злопыхателей и опасаясь скорого возмездия, Фриско ищет, где бы спрятаться с добычей. «Эх, были б у меня голландские штаны, – восклицает он, – носил бы я луну в кармане!» (39) Если верить Шекспиру, Цезарь был настолько впечатляющей – во всех смыслах – личностью, что «носил в кармане луну» (40). В людском воображении, во всяком случае, величина карманов не знала ограничений. В зависимости от обстоятельств их сравнивали и с кладовой, и с широкой гаванью, и даже с необъятными небесами.

Чем гульфик не «карман»?

Потенциальной альтернативой ранним карманам служил гульфик, своеобразный символ созидательной силы и мужской доблести. Первоначально гульфик представлял собой сужающийся книзу отстегиваемый треугольный объемистый тканевый клапан, стягивавший штаны в паховой области подобно современной брючной ширинке (см. рис. 12). В отличие от неприметной ширинки, гульфики зачастую намеренно выставляли напоказ, и во времена, когда они были в моде, критики отмечали, что мужчины охотно набивали гульфики соломой – для большей «наглядности» (41). И женщины уделяли им должное внимание. В книге отеческих наставлений, изданной в 1450-е годы, английский поэт Питер Идлей предупреждал своего сына о том, что женщины – существа любопытные и бесстыдные. Так особое неодобрение у заботливого отца вызывала привычка прихожанок сплетничать и бросать вождедеющие взгляды во время церковных служб на откровенные одежды мужчин, надеясь увидеть причину выпирающего гульфика (42). Эти нарочито выдающиеся детали одежды были воистину стильными: в пьесе Генри Медуолла «Фульгенций и Лукреция» (1490-е годы) – это первая светская, народная драма в истории английского театра – галантный аристократ Корнелий носит весьма внушительный образчик гульфика. Героя автор вводит как «нового человека моды», которому надлежит «иметь на передке гульфик превеликий» (43). Точных размеров режиссерам-постановщикам драматург не сообщил, тем самым оставляя актерам пространство для импровизации.

Впоследствии гульфики стали делать на жестком каркасе, часто оставляя внутри него вместительную полость. Наличие этого пространства и натолкнуло ранних историков Нового времени на мысль, что гульфики использовались еще и в качестве карманов. К примеру, если верить справочнику 1619 года, будучи «распущенной», шнуровка гульфика «открывала путь ко льняным сумкам между рубахой и гульфиком, а в сумках тех содержалось все, что они имели при себе» (44). У мужчины, изображенного на датируемой 1510 годом картине «Молодой рыцарь на фоне пейзажа» итальянского художника Витторе Карпаччо, имеется туго набитый гульфик, служивший для защиты уязвимого места, не прикрытого доспехами. А в своеобразном кармашке, расположенном *на* гульфике, рыцарь хранит какой-то документ, сложенный вчетверо, – на нем имеется небольшой красный кружок, предположительно печать (рис. 14). Однако свидетельства использования гульфиков для хранения чего-либо крайне редки (45), а большинство упоминаний их функций сводилось к высмеиванию стремления «слишком уж выставить напоказ срамные части» (46). Кое-кто отказывал гульфику даже в этом. Чезаре Вечеллио⁹ вопрошал: разве кому захочется хранить, скажем, фрукт в «столь милом чулане», а затем прилюдно расшнуровывать гульфик, чтобы преподнести плод ближнему? (47) То, что такое поведение в 1590 году казалось «неподобающим» Вечеллио – художнику и писателю, потратившему десятилетия на сбор материалов для обширнейшего каталога мод со всего мира, – знаменует явную тенденцию к полному отказу от этого аксессуара. И действительно, сама идея утилитарности гульфиков, была, возможно, лишь попыткой найти хоть сколько-нибудь рациональное объяснение их популярности на протяжении нескольких столетий (48).

⁹ Чезаре Вечеллио (*итал. Cesare Vecellio*, 1521[?]-1601) – венецианский художник и гравер, издавший в 1590 году однотомную энциклопедию «Одеяния всех времен и народов» (*венет. "Habitii antichi, et moderni di diverse parti del mondo"*), иллюстрированную сотнями ксилографических эстампов, авторство которых часть историков приписывает не ему, а Кристоферу Кригеру (*нем. Christopher Krieger*) из Нюрнберга.

Рис. 14. Витторе Карпаччо. «Молодой рыцарь на фоне пейзажа» (1510)

Карманы были деталью менее двусмысленной, нежели гульфики, да и вмещали они значительно больше. Однако портные, увы, утаили от историков мотивы, которые на самом деле побудили их заняться встраиванием в одежду этого элемента. Немногие дошедшие до наших дней руководства XVI века по портняжному делу, изданные по большей части в Испании, вообще не упоминают о карманах, как и об их фасонах или техниках выполнения. Без всяких объяснений или комментариев эта деталь одежды просто начинает появляться в счетах, выставляемых портными заказчикам, — обычно они шли отдельной строкой. В 1581 году портной семьи баронов Петре выставил счет за пошив синих венецианских штанов, в котором указаны и полметра льна, которые ушли на карманы. Отдельной строкой были добавлены «кожаные кар-

машки для других его штанов» (49). Карманы изнашивались, и по мере надобности их вполне можно было заменить, – так было и здесь. К середине 1550-х годов (энциклопедии одежды обычно указывают, что в этот период были изобретены карманы), карманы были новинкой и не были распространены повсеместно. Что касается немногих старинных штанов, сохранившихся в музейных коллекциях, то у одних карманы есть, а у других их нет. К примеру, штаны Сванте Стуре, которые изучала Джанет Арнольд, были обнаружены в железном склепе, где лежали и штаны его сыновей. Арнольд отмечает, что Старший Стуре имел «консервативный костюм, приличествующий пожилому человеку», тогда как один из сыновей носил модный бархатный ансамбль, а другой – охотничий костюм из «износостойкой» кожи и шерсти. Однако карман присутствовал только в консервативных штанах отца, а не в костюмах его сыновей (50).

Рис. 15. Мартен де Вос (предположительно). «Женское тщеславие: гофра» (ок. 1600, фрагмент). Шовный карман грубых штанов мужчины, который сопровождает даму, отделан прошивкой по краям и усилен шнуровкой и пуговицами

Рис. 16. Мартен де Вос (предположительно). «Женское тщеславие: маски и турнюр» (ок. 1600, фрагмент). Дама подняла свои юбки, чтобы портные могли примерить турнюр, обнажив свисающий на шнурке кошель – именно так женщины в Средние века носили свои кошельки

По мере распространения карманов как незаменимого элемента мужской одежды, они еще и обретали более заметный облик, чему способствовало использование различных вариантов их отделки. На голландском сатирическом эстампе 1600 года кавалер, сопровождающий даму в ателье, одет в бриджи с большущим карманом, отделанным по краю прошивкой и шнуровкой, – его также дополнительно подчеркивает ряд из трех пуговиц (рис. 15). Часть женщин стали обзаводиться карманами в юбках платьев. Описи гардероба Елизаветы I указывают на то, что и у королевы в некоторых повседневных платьях и мантиях имелись карманы (51). Однако они не были декоративными, и большинство женщин по-прежнему были склонны полагаться на кошель, подвешенные к поясу, подобно даме на рисунке 16, примеряющей новый турнюр.

Карманы и гибельная политика

Хотя причины появления карманов в мужских бриджах еще предстоит выяснить, исторические свидетельства того, как общественность на них реагировала, вполне имеются. Во множестве издавались указы, призванные ограничить производство и распространение одного из первых изделий, специально предназначенного для ношения в карманах, – компактного пистолета. Может, и не зря правители по всей Европе стали опасаться убийственного потенциала карманного оружия – его называли также дамским пистолетом, – которое «носились скрытно» (52). Драматичным «тревожным звоночком» стал эпизод, когда промозглой зимней ночью 1549 года один злодей прокрался в покои Эдуарда VI, юного престолонаследника Генриха VIII, испугался отчаянно залайвавшей собачки, вытащил из кармана пистолет и застрелил ее. Через неделю после этого Эдуард VI издал указ, призванный оградить короля от всякого риска посягательств на его жизнь: опасаясь настоящего убийцы, он запретил кому бы то ни было носить при себе карманный пистолет, находясь при этом в радиусе пяти километров от текущего местоположения короля (53).

«Стволы», ранее имевшие метровую длину, теперь могли помещаться в карман благодаря изобретению колесцового замка¹⁰ – одного из главных технологических прорывов начала XVI века. Огнестрельное оружие, существовавшее до этого, было громоздким и тяжелым; на поле боя солдату приходилось останавливаться и использовать обе руки, чтобы с помощью фитиля подпалить пороховой заряд. Пистолет же с колесцовым замком можно было зарядить заранее и носить при себе, а при первой надобности использовать с помощью очень неожиданного и эффективного движения только одной руки (54). Этот вид оружия, навсегда изменивший правила игры на поле боя, благодаря своему удобству и компактности стали ценить и охотники, и любители спортивной стрельбы, и числившиеся в запасе аристократы, которые наслаждались им в перерывах между войнами. Последние не жалели денег на покупку и коллекционирование таких богато украшенных драгоценностями пистолетов и часто демонстрировали их публике, вручали в качестве подарков (55).

¹⁰ Это изобретение Леонардо да Винчи (1452–1519) явилось единственным реализованным еще при жизни гениального флорентийца.

Рис. 17. Сэр Мартин Фробишер (1535?–1594) на портрете работы Корнелиса Кетеля (1577). Фробишер был капером и исследователем, и здесь он держит короткоствольный пистолет с колесцовым замком в правой руке, а левая его рука покоится на эфесе клинка

На портрете 1577 года (рис. 17) отважный искатель приключений и мореплаватель сэр Мартин Фробишер красуется с пистолетом наизготовку. Такая поза нарушала канон портретной живописи: джентльменам полагалось позировать, возложив ладонь на эфес убранной в ножны шпаги или рапиры, которые часто были «отягощены» золотым и серебряным убранством (56). Фробишер полагал, что «величайший из щеголей» должен был носить на шее «глубочайшее из гофре», а на бедре – «длиннейший из клинков» (57); что внешний вид любого мужчины неизменно выражал его представления о чести и его готовность к применению силы. (Мы до сих пор, когда говорим о чем-то впечатляющем внешнем виде – как, впрочем, и о многом другом, – восклицаем: «Это сильно!») Однако Фробишер несколько переусердствовал с подчеркиванием этой готовности: он держит палец на спусковом крючке своего пистолета, красуясь в венецианских штанах, и явно понимает (как и художник, его нарисовавший), что это оружие представляет немалую угрозу (58).

Тем временем государство начало вводить ограничения на право владения пистолетом и регламентировать условия его применения. Уверенные в лояльности знати, к которой принадлежал тот же Фробишер, правители в то же время были всерьез встревожены перспективами вооруженного восстания бедного слоя населения с подушевыми доходами менее ста фунтов стерлингов в год (59). При этом официально заявленным предметом их тревоги были не опасения за собственную безопасность, а общая забота о мире и согласии: численность английских сил правопорядка, противостоявших всякого рода смутьянам, была ничтожно мала, и необходимость борьбы с преступностью в городах была более чем актуальной (60). От королевского имени и с согласия парламента печатались, оглашались и развешивались по столбам обращенные к гражданам разнообразные «прокламации» (рис. 18). В одной из них королева Елизавета I, отметив, что подданные ее «пребывают в страхе и опасаются за свои жизни», запретила кому-либо владеть ствольным оружием длиной менее семидесяти сантиметров, поскольку «в мирное время» все, что короче, имеет единственное назначение – «чинить великие разбои и ужасные убийства» (61). В указе 1579 года были обновлены законодательные требования: в нем отмечалось, что пистолеты небольшого размера «повсеместно называли карманными пистолетами», и вводился запрет на производство, импорт и продажу любого оружия, «которое может быть спрятано в кармане или ином похожем месте на теле с целью скрытого ношения» (62). Яков I, преемник Елизаветы I, заключил, что «карманные пистолеты <...> самим названием указывают на свое предназначение <...> они явно сделаны для того, чтобы их можно было носить тайно, под одеждой».

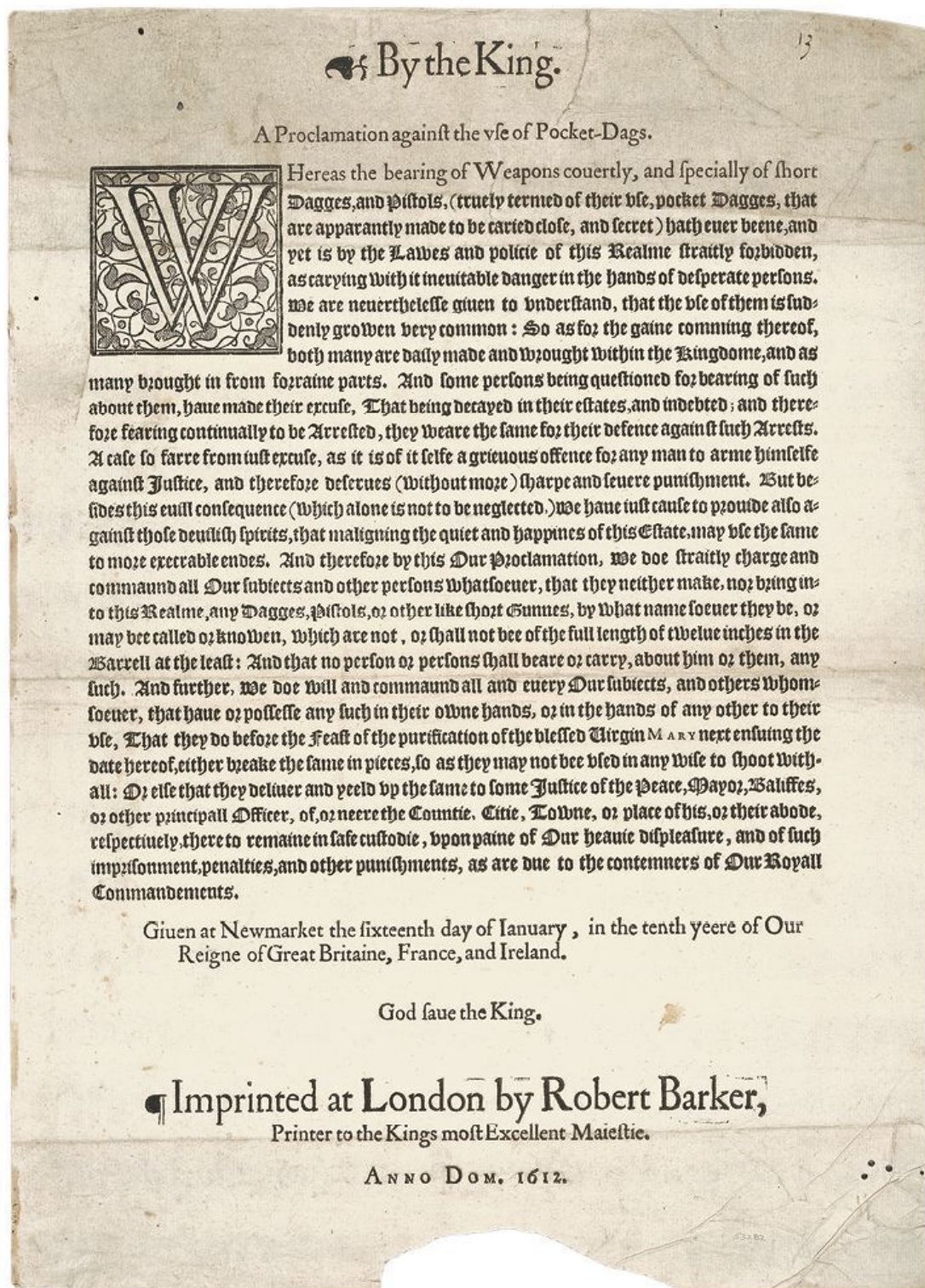

Рис. 18. «Прокламация против использования карманных пистолетов», выпущенная Яковом I в 1613 году. Согласно этому указу, лишь безрассудные люди носили карманные пистолеты (так называли пистолеты небольшого размера)

В итоге Британия пришла к полному запрету (63) карманных пистолетов вне зависимости от статуса и ранга его владельцев (хотя необходимость регулярно переиздавать указы наводит на мысль о том, что запреты соблюдались плохо).

Тем временем во Франции монархи придерживались принципиально иной стратегии и фокусировались на тех самых тайных местах «под одеждой» – то есть карманах, – а не на опасных предметах, которые в них можно хранить. В 1564 году указом Генриха III были введены ограничения на ширину мужских штанов (64). Тем же указом запрещалось встраивать в них карманы определенной длины – вероятно, это была попытка предотвратить скрытое ношение в них больших пистолетов. Идея ограничить вместимость карманов вместо того, чтобы регламентировать ношение пистолетов, может показаться слегка нелепой. Но эта стратегия обрела новую жизнь в Америке конца XIX века, когда в кое некоторых штатов законодатели пытались запретить новомодные задние карманы на мужских брюках, называя их «пистолетными» (65).

Глядя на все попытки подобного урегулирования (и в начале Нового времени, и в его разгар), мы можем предположить: политики были уверены, что карманы могут стать причиной разгула насилия. По Якову I, карманные пистолеты представляли собой «одиозные <...> орудия бесчинств и убийства». Он не просто скорбел по поводу того, что его некогда мирное королевство оказалось «замарано кровью», но и прямо осуждал ношение скрытого оружия, ассоциируя этот факт с отсутствием человечности, считая его одним из проявлений всеобщего упадка – проявлением, которое мы, возможно, уже утратили (66). В назидательных письмах к сыну Яков в общих чертах описывал то, как будущему правителю надлежит одеваться и вести себя, и уделял особое внимание тому, насколько важно замечать наличие у окружающих открыто и скрыто носимого оружия¹¹. Он увещевал сына иметь при себе лишь «рыцарское и благородное» оружие, подразумевая под этим «рапиры, шпаги и кинжалы» (67). Король в ту пору воспринимал как нечто само собой разумеющееся, что его придворные или владельцы поместий, куда он навещается, вооружены. Проблема была не в оружии как таковом, а в сокрытии намерений – именно это разрушало существовавший веками социальный договор и указывало на общую тенденцию к исчезновению рыцарского кодекса чести. Тут-то о карманах заговорили. «Шел бы ты отсюда... со своим ножом в кармане», – восклицает Дуарте, заносчивый герой пьесы «Обычай страны» (1619) Джона Флетчера и Филиппа Мэссинджера, когда встречает на улице Алонсо – своего соперника в борьбе за сердце дамы. Он упрекает Алонсо в худшем из видов трусости: тот якобы слишком робок, чтобы носить клинок, которым можно отстоять свою честь публично; опустил до уровня уличного бандита, затаившего нож в кармане, чтобы «пырять людей исподтишка» (68).

¹¹ Адресат этих наставлений Генрих, принц Уэльский (1594–1612), однако, умер от тифа, и наследником Якова I стал будущий Карл I (1600–1649), которому тоже негодились наставления отца – он в итоге пал жертвой собственной недоговороспособности, а отнюдь не нападения злодеев с оружием в кармане. Карл I был обезглавлен в ходе Английской революции.

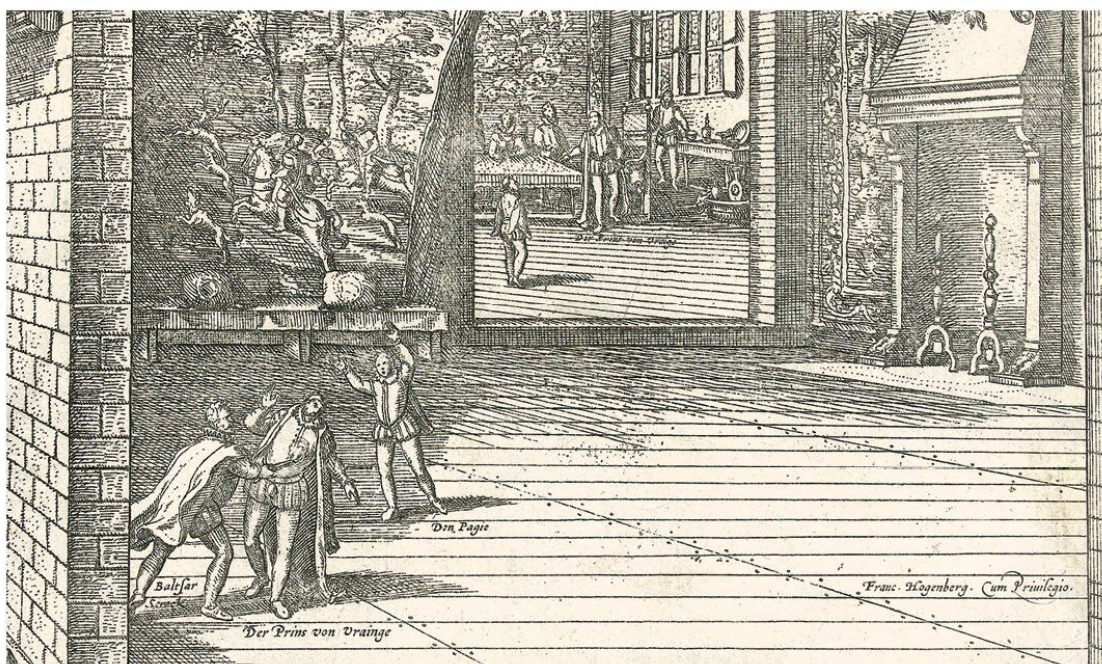

Рис. 19. Франц Хогенберг. «Убийство Вильгельма Молчаливого» (1584, фрагмент). Гравюра выступала своеобразным «репортажем с места событий», хотя и не слишком точным, ибо автор полагался на информацию из вторых рук и сплетни

Конечно, лишь незначительная часть мужчин были убийцами и грабителями, полагавшимися на карманы в реализации своих гнусных замыслов. Но именно благодаря этому – одному из первых – сенсационному способу использования карманов, деталь одежды и стала предметом бурных политических дебатов. Вера в то, что отвага мужчины должна быть легко заметна со стороны, порождала растерянные комментарии наподобие тех, что последовали за уже упомянутым ранее первым в истории успешным покушением на политического лидера, совершенным с помощью пистолета (69). В 1584 году принц Вильгельм I Оранский по прозвищу Молчаливый (союзник Елизаветы I и лютый враг Испании) был застрелен в упор из пистолета с колесцовым замком – убийца, притворившись, что достает письмо, выхватил оружие из своего кармана (рис. 19). Комментаторы раз за разом возвращались к такой нелепой детали: самый неказистый из убийц – невеликий ростом и с непреклонным нравом – совершил шокирующее нападение, которое могло пошатнуть расстановку сил в борьбе между Англией и Испанией. В карманы, как выяснилось, вполне помещаются предметы, придающие их обладателю невероятную уверенность в себе и собственных силах. Нет нужды демонстрировать свою отвагу, если в кармане у тебя припрятан пистолет (70).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.